

Мясницкий Иван Ильич

Около миллионов

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Около миллионов: Повесть / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 305 с.

ISBN 978-5-519-98468-3

ISBN 978-5-519-98468-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и серьезнымъ отношеніемъ къ громадному дѣлу, центромъ котораго была Москва, а концы нитей его терялись на далекихъ окраинахъ сѣвера, востока и юга...

И въ семейной жизни оба брата были счастливы: шесть лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти отца, они женились по любви на дѣвушкахъ изъ хорошихъ, хотя и небогатыхъ фамилій, и до сихъ поръ еще ни одно облачко не появлялось на горизонтѣ ихъ спокойнаго счастья. Правда, Григорія Адриановича очень огорчало подчасъ отсутствіе дѣтей, но онъ философски утѣшалъ и себя и жену тѣмъ, что у брата его Никифора зато они родятся каждый годъ, и что, благодаря этому обстоятельству, фамиліи Неуклюжевыхъ долго не сотрется съ лица земли.

Стоявшіе въ углу кабинета на мраморномъ пьедесталѣ часы пробили десять.

Григорій Адриановичъ посмотрѣлъ на реомюръ, показывавшій двадцать два градуса ниже нуля, и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Барыня встала?—спросилъ онъ у появившагося высокаго гладко выбритаго лакея.

— Встали - съ и кушаютъ въ столовой кофей-съ.

Григорій Адриановичъ кивнулъ головой, закурилъ папиросу и пошелъ къ женѣ.

Въ большой почти квадратной дубовой столовой, съ тяжелою мебелью изъ темнаго дерева, за круглымъ столомъ, въ полосатомъ капотѣ, сшитомъ изъ матеріи въ восточномъ вкусѣ, сидѣла Зинаида Владимировна Неуклюжева и короткими глотками пила кофе.

Зинаиду Владимировну многіе находили красивой, хотя она скорѣе была симпатична, чѣмъ красива. Неправильно очерченный ротъ,

слишкомъ вздернутый носъ и удлиненный овалъ лица нарушали красоту линій, но матовая, прозрачная бѣлизна лицевой кожи, чудные темные глаза, въ которыхъ свѣтилась безконечная доброта и ласка, и роскошные каптановые волосы заставляли этихъ многихъ забывать недочеты и считать Зинаиду Владимировну „божественной“ женщиной.

— Зина, здравствуй! Съ добрымъ утромъ, голубка! — проговорилъ весело Григорій Адриановичъ, подходя къ женѣ и цѣлуя ее въ щеку.

— Здравствуй, Гриша! Садись, голубчикъ! Чего хочешь: чаю или кофе?

— Попрошу кофе... Однако ты сегодня поднялась рано... Чему это приписать позволите, сударыня? — пошутилъ Неуклюжевъ, смѣясь.

— Выспалась и встала. Ты рано пріѣхалъ вчера изъ клуба?

— Не вчера, а сегодня. Будемъ точны, какъ всегда. Ровно въ часъ, голубка.

— Рано.

— Да что жъ тамъ оставалось дѣлать? — отвѣтилъ онъ, ловкимъ движеніемъ выправляя мягкіе воротнички сорочки изъ-подъ тужурки. — Сыграли шесть робберовъ винта, поужинали и разѣхались по домамъ. Составлялась, впрочемъ, маленькая компанія поѣхать мѣста не столь отдаленныя...

— „Стрѣльну“, разумѣется? — усмѣхнулась Зинаида Владимировна.

— Ну, понятно... взять воздуха, послушать цыганъ.

— И выпить бутылку „Аи“?

— Ну, съ бутылкой четверымъ, положимъ, дѣлать нечего, голубка моя.

— Ахъ, мужчины, мужчины!

— Баловники-съ,—въ тонъ жены подтвердилъ Неуклюжевъ и расхохотался.

— Но я, голубка, отдѣлался отъ баловниковъ благовиднымъ предлогомъ и вернулся къ пенатамъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти... Одобряете наше похвальное и всѣмъ примѣрное поведеніе?

— Благоразумень, какъ всегда? — улыбнулась Зинаида Владимировна. — „И въ самомъ дѣлѣ,—подумала она,—я не помню, чтобъ онъ кутнулъ когда-нибудь или выпилъ лишнее, все въ мѣру и во-время, просто, даже на мужчину не похожъ“.

Она подняла глаза на мужа, съ аппетитомъ пившаго кофе, посмотрѣла на его аккуратно расчесанный проборъ, на полныя румяныя щеки, топырившіяся отъ переживаемаго калача, на влажную бородку и задумалась.

Шесть лѣтъ ея замужней жизни прошли какъ одинъ день. Свадьбу свою она помнитъ до мельчайшихъ подробностей, точно она была не шесть лѣтъ тому назадъ, а только вчера, и онъ остался тѣмъ же, какимъ былъ тогда... тотъ же проборъ, та же подстриженная, какъ будто оципанная, бородка, тотъ же румянецъ на щекахъ и тотъ же спокойный, бодрый и добрый взглядъ темно-сѣрыхъ глазъ.

И отношенія ихъ въ теченіе этого времени не измѣнились ни на іоту.

Онъ никогда не говорилъ ей про свою къ ней любовь, ни до свадьбы ни послѣ свадьбы, но она отлично знала, что онъ ее любить. Какъ?—это вопросъ другой, но любовь его чувствовалась во всемъ: и во взглядѣ, и въ тонѣ голоса, и въ тысячѣ мелочей, кото-

рыя оцѣнить можетъ только женщина съ чуткимъ умомъ и добрымъ сердцемъ.

И ни одной бури ни одного облачка.

Жизнь катилась какъ по рельсамъ, и Зинаида Владимировна хотя и смутно, но начинала уже томиться такимъ однообразіемъ покоя.

Мужа своего она любила, потому что не за что было не любить. Но задача, цѣль жизни женщины неужели заключается только въ томъ, чтобы любить своего мужа и, принимая его ласки, платить ему тѣмъ же?

Этотъ вопросъ, давно уже гвоздемъ засѣвшій въ голову, Зинаида Владимировна не могла рѣшать или, вѣрнѣе, не хотѣла, и старалась какъ можно дольше не рѣшить его.

— Мы задумались,—прервалъ ея размышленія Григорій Адріановичъ. — Интересно знать, какой важный вопросъ заставилъ призадуматься твою головку?

— Я ровно ни о чемъ не думаю,—отвѣтила Зинаида Владимировна, торопливо наливая себѣ чашку кофе.—Тебѣ налить еще?

— Попрошу. Ты, по обыкновенію, вчера была въ симфоническомъ?

— Да.

— Ну, и что же?

— Кромѣ скуки, домой ничего не привезла.

— Вотъ-те-на!

— Ты удивляешься? А между тѣмъ это объясняется такъ просто. Я не понимаю серьезной музыки.

Григорій Адріановичъ расхохотался.

— Въ такомъ случаѣ, голубка моя, я не понимаю, зачѣмъ ты ѣздишь на эти вечера?— пожалуй онъ плечами, отправляя въ ротъ чуть не полкалача. — Я, напимѣръ... я ни за что

не поѣду туда, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, меня ожидаетъ скука.

— Нельзя, голубчикъ... тамъ всѣ бываютъ.

— Да, вотъ оно что! Если всѣ зѣваютъ, такъ и я долженъ зѣвать? Такой логики, извини, голубка моя, я не признаю...

— Напрасно.

Григорій Адріановичъ пересталъ жевать и поднялъ голову.

— Все-таки я вижу всѣхъ...

— А, понимаю! На людяхъ, говорится, и смерть красна. Что жъ, вольному воля, противъ этого я и спорить не стану.

— Не то, голубчикъ... видишь ли, какъ бы тебѣ это объяснить, чтобы тебя не обидѣть?

— Меня обидѣть трудно... „Кто васъ, Китъ Китычъ, обидитъ? Вы сами всякаго обидите!“ — припомнилъ онъ Островскаго.

— Видишь ли, Гриша... ты уѣзжаешь въ клубъ, а оставаться мнѣ одной дома въ четырехъ стѣнахъ и скучно и тоскливо.

— Да, ну въ такомъ случаѣ я не стану ѣздить въ клубъ.

— Боже тебя сохрани! Я совсѣмъ не къ этому сказала, голубчикъ... надо же и тебѣ развлечься послѣ работы, это я отлично понимаю, и никогда не позволю себѣ лишать тебя твоихъ маленькихъ развлеченій.

— Постой, Зина, но вѣдь тебѣ же скучно на этихъ симфоніяхъ?

— Все равно, я вездѣ буду скучать.

— Почему?

— Просто потому, что у меня слишкомъ много свободнаго времени.

Григорій Адріановичъ крикнулъ. Онъ отлично понималъ, что женѣ его все и вся, и вечера, и балы, и театры давнымъ-давно уже

набили оскомину, а что въ послѣднее время она, посѣщая и то, и другое, и третье, просто отбывала какую-то глупую повинность, наживая хроническую скуку.

„Дѣла у бабы нѣтъ... эхъ, кабы имъ дѣло!“ подумалъ онъ и невольно почесалъ въ затылкѣ по унаслѣдованной отъ родителя привычкѣ.

— Да, это того-съ... дѣйствительно-съ, — проговорилъ онъ, залпомъ выпивая чашку кофе. — Дѣломъ займись, голубка!

— Какимъ, голубчикъ?

— Ну, хоть, въ контору ко мнѣ иди писать или въ лавку торговать, — пошутилъ Григорій Адриановичъ.

— Не гожусь, все перепутаю, — улыбнулась Зинаида Владимировна.

— Постой, у тебя есть же тамъ разные пріюты да попечительства, въ которыхъ ты состоишь членомъ.

— И тамъ дѣлать нечего, Гриша.

— А ты старайся!

— Стараюсь, и все равно дѣлать нечего. Пріюты да попечительства берутъ у меня пять часовъ времени въ мѣсяцъ... и только.

— Ну, это пустяки.

— Конечно, пустяки. Знаешь, я иногда тебѣ завидую: у тебя всегда дѣло... и ты всегда веселъ.

— Скучать намъ, дѣйствительно, голубка, некогда, скука не для насъ писана: вотъ я сейчасъ сижу съ тобой и болтаю, а у меня въ головѣ триста пятьдесятъ дѣлъ сидить и неотложнаго исполненія требуетъ. Когда тутъ скучать, только успѣвай повертываться. Постой, Зина, да ты, кажется, хотѣла школу въ нашемъ имѣніи устроить? Вотъ тебѣ дѣло, пока нѣтъ другого.

— Школа уже устроена.

— Да ну? Когда же ты это успѣла?— удивился Неуклюжевъ.

— Осенью.

— Осенью? — покосился онъ на жену. — Странно! Осень мы провели въ Ялтѣ, кажется.

— Ее устроили безъ меня. Дала денегъ, подписала тамъ какія-то бумаги, накупила книгъ по реестру инспектора народныхъ училищъ, и школа готова.

— Да, этакъ-то! — раздумчиво проговорилъ Неуклюжевъ. — А я думалъ, ты сама.

— Некогда было ѣхать, голубчикъ, — точно извиняясь, отвѣтила Зинаида Владимировна, — то одно, то другое. Такъ безъ меня и открыли. Но это все равно, поѣдемъ лѣтомъ въ имѣніе и увидимъ, какъ устроили школу.

— Да, да, конечно; разумѣется, зимой что тамъ увидишь. Ну, кого ты видѣла вчера? — стараясь замять школьный вопросъ, сказалъ Неуклюжевъ.

— Да всѣхъ... все тѣ же... тѣ же лица, тѣ же рѣчи.

— Наряды только другіе?

— Само собою разумѣется. Нарядами наша купеческая аристократія заткнетъ за поясъ и Парижъ.

— Ну, до Парижа нашему степенству далеко! — усомнился Неуклюжевъ.

— Не спорь, Гриша... Всѣ вѣдь выписываютъ платья изъ Парижа: и Брусницына, и Черемухина, и Вязова, и Розова, и Левкоева.

— И все-таки, я увѣренъ, идутъ къ нимъ парижскіе наряды какъ къ коровѣ сѣдло... Мало, голубка, заплатитъ сумасшедшія деньги

за платья, надо умѣть носить ихъ,—а откуда у нихъ умѣнье, позволь тебя спросить?

— Насмотрѣлись. Всѣ вѣдь ѣздятъ за границу.

— Насмотрѣлись! — скептически отнесся Неуклюжевъ. — Сложеніе тѣлесное у нашихъ купчихъ совсѣмъ не французское, а модѣ подражаютъ парижской... Возьми ты хоть Черемухину... ростомъ она въ полтора аршина, таліи и въ заводѣ никогда не было, вмѣсто шеи одинъ брильянтовый ривьеръ, голова немножко побольше вотъ этого чайника, а на башмакахъ каблукъ чуть не въ четверть... ходитъ она посему не можетъ, а скачетъ какъ ворона, растопыривъ для баланса руки, какъ крылья... и вообрази ты теперь такую замоскворѣцкую Венеру въ парижскомъ платьѣ, рукавъ у котораго въ родѣ воздухоплавательныхъ шаровъ раздувается... Чортъ знаетъ, что такое выйдетъ! Сзади, если посмотрѣть, и не разберешь даже, что такое: не то летучая мышь, не то карикатура изъ „Будильника“.

— Ты преувеличиваешь, голубчикъ.

— И не думаю. У меня такихъ художествъ и въ заводѣ нѣтъ. Брильянтами тамъ да разными цацами мы Парижъ еще ушибить можемъ, потому этого добра у насъ завсегда запасъ добрый: любую жену, какъ бы она высока и толста ни была, съ верху до низу унизать брильянтами можемъ, а ужъ насчетъ умѣнья одѣться да носить то, что надѣто, на этотъ счетъ наши аристократки пасъ... Однако, голубка моя, я съ тобой болтаю, а меня въ городѣ, чай, ждутъ и ругаютъ.

Григорій Адріановичъ поднялся со стула и тщательно вытеръ салфеткой усы.

— Ну-съ, а теперь позвольте приложиться къ вашей нѣжной щечкѣ и проститься до обѣда.

— Прощай, Гриша.

— „Изыде человѣкъ на дѣла свои!“ А ты, голубка, куда до обѣда поскучать поѣдешь?— пошутиль онъ, цѣлуя жену.

— Право, не знаю... вѣроятно, съѣзжу къ Симѣ.

— Дѣло, дѣло... вотъ учись у ней не скучать... Братъ и то ужъ смѣется: никуда жену не вытащишь; мнѣ, говоритъ она, и дома весело.

— У Симы характеръ чудный.

— А у тебя развѣ хуже? Я съ этимъ несогласенъ... Поцѣлуй моихъ крестниковъ, да вытащи хоть ты ее куда-нибудь: чистая насѣдка... сидитъ около своихъ цыплятъ и клохчетъ: ципъ, ципъ, ципъ... До свиданія, Зина.

Григорій Адріановичъ поцѣловалъ руку жены, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и воротился.

— Совсѣмъ было забылъ, голубка... у меня завтра новый знакомый завтракаетъ... познакомился съ нимъ въ клубѣ и... самъ не знаю даже, какъ это случилось: онъ ли самъ назвался ко мнѣ, или я его позвалъ... но во всякомъ случаѣ человѣкъ воспитанный и баринъ съ головы до ногъ... говоритъ, что у него въ имѣніи есть конскій заводъ, и обѣщался продать мнѣ тройку, единственную во всемъ мірѣ... До свиданія!

— Постой, ты мнѣ даже не сказалъ его фамиліи.

— Ахъ, да!.. Евгеній Петровичъ Росинскій!

Григорій Адріановичъ кивнулъ женѣ головой и вышелъ.

Зинаида Владимировна помертвѣла и упала на стулъ.

— Росинскій... Евгеній! — прошептала она. — Онъ здѣсь!

II.

Зинаида Владимировна прислушалась къ замиравшимъ шагамъ мужа и подошла къ окну.

— Онъ здѣсь! Вотъ этого я совсѣмъ не ожидала, — проговорила она, прислонясь лбомъ къ холодному стеклу. — Восемь лѣтъ я не видалась съ нимъ! Восемь лѣтъ! Лучше будетъ, если я не возобновлю съ нимъ знакомства... Я скажу Гришѣ, что не желаю совсѣмъ видѣть господина Росинскаго.

Зинаида Владимировна сдѣлала движеніе впередъ и остановилась.

— Зачѣмъ? Какъ будто я боюсь его... я, замужняя женщина!

Она разсмѣялась и позвонила.

„Было время, — подумала она, — когда я увлекалась имъ, а теперь все это прошло и забылось... Забылось ли? — съ тревогой спросила она самое себя. — Разумѣется, забылось! — съ увѣренностью проговорила она. — „Не течетъ рѣка обратно, что прошло, того не будетъ“, — вспомнились ей строфы романа. — А интересно все-таки посмотрѣть на него: я думаю, онъ очень состарился... Восемь лѣтъ, цѣлыхъ восемь лѣтъ! Много воды утекло съ той поры. Я думаю, онъ совсѣмъ не ожидаетъ встрѣтить меня мадамъ Неуклюжевой. Эта встрѣча будетъ для него сюрпризомъ и, полагаю, не особенно пріятнымъ“.